УДК 94(47)+739(091) ББК 63.3(2)4 DOI 10.25986/IRI.2021.86.4.012

В. В. Игошев

*Государственный научно-исследовательский институт реставрации,
Москва, Россия. igoshevvv@rambler.ru*

В. Г. Ченцова

*UMR 8167 «Восток и Средиземноморье / Византийский мир»,
Париж, Франция. graougraou@hotmail.com*

РОСТОВСКИЕ СЕРЕБРЯНИКИ И ВОЛОГОДСКАЯ ЛИТУРГИЧЕСКАЯ УТВАРЬ В ХРАМЕ ОКСФОРДА

*Памяти нашей коллеги,
доктора искусствоведения,
кодиколога Инны Павловны Мокрецово*

В статье исследована история бытования серебряных предметов для Евхаристии, вложенных в 1658 г. в вологодский Никольский монастырь на Валухе, а затем оказавшихся в церкви Св. Варнавы Оксфорда. В ходе комплексного исследования в музейных собраниях России были выявлены наиболее близкие аналогичные произведения, изучены их типология, стиль, иконография, надписи и технико-технологические особенности. Доказано, что все эти предметы литургической утвари выполнены в одной мастерской серебряного дела. В научный оборот впервые введена группа серебряных литургических сосудов и иных изделий, сделанных в середине XVII в.

Ключевые слова: литургическая утварь, евхаристические сосуды, потир, ростовские серебряники, вологодский Николаевский монастырь на Валухе, Спасо-Прилуцкий монастырь

За предоставленную возможность изучения евхаристического набора из ризницы церкви Св. Варнавы в Оксфорде авторы выражают искреннюю благодарность пастору Кристоферу Вудсу (Fr Christopher Woods) и Эйлин Хед, администратору канцелярии кафедрального собора Крайст-черч в Оксфорде (Eileen Head, Cathedral Office Manager, Christ Church, Oxford). За предоставленную возможность изучения серебряных потиров из фондов Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» авторы сердечно благодарят директора Наталью Стефановну Каровскую и заместителя директора Александра Гавриловича Мельника. За консультации выражаем искреннюю признательность А. А. Печниковой, М. С. Стецкевичу, И. Н. Шаминой, Г. М. Крюк.

Ил. 1–7, 10, 13 – фотографии потира и тарелей из церкви Св. Варнавы в Оксфорде сделаны В. Г. Ченцовой и публикуются с любезного разрешения vicария Кристофера Вудса и приходского собрания.

Ил. 8, 9, 11, 12, 14 – фотографии выполнены В. В. Игошевым. Ил. 15 – фото предоставлено ГИМ.

В статье исследуются древнерусские серебряные сосуды для Евхаристии, которые находятся в Англии и принадлежат церкви Св. Варнавы Оксфорда. Это потир¹ (Ил. 1) и две дорные тарели² (Ил. 2, 3), происходящие из небольшого вологодского женского монастыря – Никольского на Валухе³. До настоящего времени эти серебряные евхаристические предметы не были изучены, история их бытования и время перемещения за пределы России также оставались неизвестны. Нашей задачей стали комплексное исследование этих замечательных памятников древнерусского церковного искусства с целью отнесения их к определенному центру серебряного дела и попытка установить имя вкладчика.

Каждый такой центр вырабатывал устойчивые традиции, которые проявлялись в типологии, стилистике изображений и в орнаменте, особой технике изготовления изделий и палеографии надписей. Выявление на предметах схожих технико-технологических, типологических и стилистических особенностей, таким образом, может позволить связать серебряные потир и две тарели с определенной мастерской.

Место первоначального вклада сосудов – вологодский Никольский монастырь на Валухе

На потире и на дорных тарелях вырезаны схожие надписи, указывающие на их вклад в эту обитель в апреле 1658 г.: «... В ВОТЧИНУ ПРИЛУЦКАГО МОНАСТЫРЯ К ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЮ ХРИСТОВУ И К НИКОЛЕ ЧЮДОТВОРЦУ НА ВАЛУХУ». В состав этого набора сосудов для Евхаристии, кроме потира и двух дорных тарелей, ранее должны были входить также: дискос, лжица, звезда и копие, но место нахождения этих предметов неизвестно, скорее всего, они утрачены.

Мужской Спасо-Прилуцкий монастырь, расположенный на излучине реки Вологды, в XVI–XVII вв. имел три вотчинных обители: Никольский монастырь на Валухе, Спасо-Преображенскую Глубокоозерскую пустынь и Воскресенский монастырь на реке Великой [Черкасова, с. 27–28]. Небольшой женский Никольский монастырь на Валухе находился вблизи северной ограды Спасо-Прилуцкого монастыря, год его основания не известен, а упоминания относятся ко времени между 1543 и 1691 гг. [Савваитов, с. 13]. По документам, в период 1623–1678 гг. он был на полном обеспечении и во власти игуменов Спасо-Прилуцкого монастыря, но внутренний надзор в обители осуществлялся игуменьей. В списках приказных дел 1666 г. отмечается: «Спаса-Прилуц[кого] монастыря власти поят и кормят и одевают и запасы годовые дают, как и прочих стариц, которые живут в Николаевском девичьем монастыре» [Зверинский, с. 102]. Никольский монастырь располагался близ небольших сел Коровниче (или Коровник) и Выпрягово [Савваитов, с. 14]. Название этих сел и топоним «Валух» или «Волух» происходят от наименования домашнего скота или связаны со скотоводством⁴.

¹ Потир. Инв. № 83. Серебро, давление, гравировка, позолота, монтировка. Высота – 24,2 см. Диаметр поддона – 14,4 см. Диаметр чаши – 13,1 см. Размер изображений на чаше по внутренней окружности – 4,8 см, по внешней – 5,0 см. Глубина чаши – 9,5 см. Вес – 450,8 г.

² Тарель с гравированным изображением Богоматери «Знамение». Инв. № 85. Серебро, давление, гравировка, золочение. Диаметр – 18,3 см. Толщина – 1,5 см. Размер изображений в медальоне – 8,2 см. Вес – 164,4 г. На дне тарели с оборотной стороны процарапаны, видимо, какие-то инвентарные номера: 5-17, 27800. Тарель с гравированным изображением Голгофского креста. Инв. № 84. Серебро, давление, гравировка, золочение. Диаметр – 18,3 см. Размер изображения в круге – 8,1 см. Вес – 161,6 г. На доннышке с обратной стороны также процарапаны номера: 5-16, 27799.

³ В публикациях XIX в. монастырь называют Николаевским на Валухе или Валушинским.

⁴ Древнерусское слово «воль» – это вол или бык (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 471), а «волух» – коровий пастух – производное от «вол» по типу «конюх» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2003. Т. 1. С. 345).

Ил. 1. Серебряный потир из вологодского Никольского монастыря на Валухе. 1658 г.

Вклад серебряных евхаристических сосудов в Никольский женский монастырь на Валухе был сделан в 1658 г. – в период, когда обе церкви обители были деревянными. Место вклада – деревянная церковь Воскресения Христова, сооруженная, судя по сохранившимся описаниям, с «клинчатым» верхом кровли и с двумя приделами – Успенским и Николая Чудотворца. Церковь, таким образом, имела двускатную кровлю в форме клина, отличаясь от двускатного покрытия обычной избы высоким подъемом конька, образующим острый угол. Здесь же, внутри деревянной монастырской ограды, была вторая церковь, теплая – Всех Святых с «шатровым» верхом. Тип древнерусского шатрового храма значительно отличался от церквей с «клинчатым» верхом своей высотой и объемом внутреннего пространства.

Ил. 2. Серебряная дорная тарель с гравированным изображением Богоматери «Знамение» из вологодского Никольского монастыря на Валухе. Лицевая сторона. 1658 г.

Если в основании храма с «клинчатым» верхом был четырехугольник («клеть»), то в основании шатрового храма – восьмиугольник. Такая конструкция позволяла возводить более высокие и вместительные храмы с шатровой кровлей, даже используя бревна меньшей длины, чем при строительстве прямоугольных в плане храмов с «клинчатой» кровлей.

В описании 1646 г. отмечены особенности конструкции этих бревенчатых храмов, а также имена клириков и их детей: «Церковь Воскресения Христова деревяна вверх клинчатая, да предел Успения, другой предел Николы Чудотворца на Валухе, другая церковь теплая Всех Святых деревяна вверх шатровая. А у церквей служат: поп Полиевкт, у него дети Офонка да Якунка да Федка, поп Фаддей Кузмин, дьякон Севастьян Васильев, дьячек Лазорко Спиридонов сын Сумин, у него дети Ивашко да Ивашко же, пономарь Евсютка Сидоров, трапезник Тренка Павлов, у него дети Лучка да Ондрюшка, просвирница Понарьница, трапезник Сидорко Исаков»⁵.

⁵ Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. 3-е изд. Вологда, 1902. С. 12; [Савваитов, с. 14].

В Никольском монастыре в разные годы в XVI–XVII вв. находились от 17 до 34 насельниц, среди которых примерно 2/3 составляли старицы-постриженницы, а 1/3 – еще не принявшие постриг белицы-послушницы. В 1653 г., по сведениям Н. И. Суворова, при церкви в деревянной ограде было 16 келий и две полукельи, из которых монастырю принадлежало только пять, а остальные постройки были собственностью сестер. Среди сестер различались «вкладчицы», внесшие крупный вклад (в одном известном случае – 20 рублей) в монастырь и содержащиеся во всем на монастырский счет, и «невкладчицы», жившие в собственных кельях, видимо, на свои средства [Суворов]. Женская Никольская обитель на Валухе находилась в зависимости от мужского Спасо-Прилуцкого монастыря. О таких женских монастырях, которые были в подчинении мужским, писал митрополит Макарий (Булгаков): «Между женскими монастырями были монастыри как бы приписные к мужским», – и перечислял их: «Хотьков, в котором приняли пострижение и погребены отец и мать преподобного Сергия Радонежского, Лазаревский Городецкий... Тверской Богородичный на Шоше и новгородский Воскресенский на Красной горке» [Макарий (Булгаков), с. 135–136]. Никольский монастырь на Валухе также принадлежал к подобным обителям.

Ил. 3. Серебряная дорная тарель с изображением Голгофского креста из вологодского Никольского монастыря на Валухе. Лицевая сторона. 1658 г.

Вероятно, вклад серебряных евхаристических предметов был сделан в деревянную церковь Воскресения Христова Никольского монастыря на Валухе в 1658 г. одной из состоятельных сестер-вкладчиц. Имена сестер, в том числе постриженниц, стариц и белиц, «вкладчиц» и «невкладчиц», Никольского монастыря на Валухе за 1653 г. приводятся в документе 1653 г., который публикуется в Приложении.

Сестры-вкладчицы, жившие в кельях «своего поставленья», жертвовали в монастырь деньги, серебряную церковную утварь, а также иконы в серебряных окладах. В списке имен насельниц Никольского монастыря последней названа проживающая в келье «вкладчица белица Марья Алексеевская жена Лежня», которая, очевидно, уже овдовела и названа по имени своего покойного мужа. Известно, что 8 мая 1652 г. вдова Марья Герасимова вложила в храм Николая Чудотворца на Валухе икону Казанской Богоматери в серебряном басменном окладе на помин своего мужа Алексия Лежнева [Муромцев, с. 188–189].

С 1650 по 1654 г. Спасо-Прилуцким монастырем управлял архимандрит Серапион, а с 1654 по 1671 г. – архимандрит Иона Апраксин [Строев, стб. 738; Савваитов, с. 59]. В августе 1656 г. под руководством Ионы Апраксина в Спасо-Прилуцком монастыре на монастырские средства были достроены каменные стены с башнями. В память этого события на восточной стороне монастырских малых ворот в камне высекли надпись: «Лета 7164 (1656) августа в 1 день сделан сей град около Прилуцкого монастыря при державе государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, и при его благоверной царице и великой княгине Марье Ильиничне, и при благоверном царевиче и великом князе Алексее Алексеевиче, и при великом господине святейшем Никоне патриархе Московском и всея Великия и Малыя и Белья России, и при господине преосвященном Маркеле, архиепископе Вологодском и Великопермском, и святые обители сея при архимандрите Ионе, и при келаре старце Селивестре с братиею, и делан сей град монастырскою казною» [Савваитов, с. 22]. Следует отметить, что в Никольский монастырь на Валухе была пострижена дочь архимандрита Спасо-Прилуцкого монастыря – вкладчица старица Ульяния (Иулиания) Апраксина, которая жила в келье, построенной ее отцом (см. Приложение).

По документам, в 1688 г. церковь Воскресения Христова Никольского монастыря на Валухе с приделами была по-прежнему деревянная, но вторая – теплая одноглавая во имя Всех Святых – была уже каменная с трапезной. Составителями описи отмечено, что в этих храмах в селе Коровниче имелись «Божия милосердия образы и книги и ризы и свечи поставные и на колокольнице колокола и всякое строение мирское приходских людей»⁶. В 1689 г. вновь построенная каменная теплая церковь во имя Всех Святых, по сведениям Вологодской летописи, пострадала от пожара, сгорели также и колокольня, и деревянные постройки на берегу реки Вологды – «и колокольница, и берег»⁷. В середине XVIII в. на месте деревянной церкви Воскресения Христова был возведен каменный храм в формах, характерных для русской столичной архитектуры начала XVIII в., – «восьмерик на четверике» с декором в стиле барокко. Церковь была освящена 19 февраля 1755 г. [Муромцев, с. 186], и служба там продолжалась до 1930-х гг. Затем все наиболее ценные иконы и богослужебные предметы были изъяты [История, с. 130].

Время упразднения монастыря не известно, вероятно, он прекратил свое существование уже в конце XVII – начале XVIII в. Однако серебряные евхаристические предметы – потир, дискос и две дорные тарели – с гравированными надписями об их вкладе в Никольский монастырь сохранялись в бывшей монастырской церкви еще в XIX столетии. Так, эти предметы значатся

⁶ Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда, 2012. С. 102.

⁷ ПСРА. Л., 1982. Т. 37. С. 137.

в описи ризницы придела св. Иоанна Богослова Николаевской церкви на Валухе в 1807 г.: «Сосуды церковные, яко то: потир, дискос, звезда, лжица, два блюда, ковшичек и дароносица серебрянные и внутри вызолочены»⁸. В 1828 г. в Николаевской Валушинской церкви отмечено три набора серебряных предметов для Евхаристии (1658 г. и XIX в.) общим весом «восемь фунтов без осмухи», которые затем указаны и в описи 1850 г.⁹ В 1848 г. И. Н. Муромцев в публикации своего описания церкви Николая Чудотворца на Валухе и принадлежащих ей икон, книг и утвари особо отметил литургический набор 1658 г.: «Из церковных утварей замечательны по старине серебряные вызолоченные: потир, дискос и два блюда; на каждой из этих утварей вычеканена славянскими буквами следующая надпись: “Лета 7166 (1658) апреля в 11-й день построены сосуды сия в вотчину Прилуцкого монастыря к церкви Воскресению Христову и Николаю Чудотворцу на Валухе”» [Муромцев, с. 189].

Однако этот интерес со стороны любителя древностей никак не поспособствовал их сохранению в церковной ризнице. В 1860 г. сосуды для Евхаристии 1658 г. были исключены из описи церковного имущества: «13-3. (выбыл) Третий сосуд, дискос и все принадлежности, также серебряные без пробы; весу во всех вещах три фунта с осмушкой (поступили в промен новаго, состоящаго под №№ 16-6-м сей главы)». Взамен «выбывших» евхаристических сосудов 28 января 1861 г. «с променом ветхаго и непробнаго сосуда с принадлежностями весом в три фунта (3) с осмушкой» были приобретены новые «сосуд, дискос и все принадлежности, серебряныя под золотом 84-й пробы в 538 золот[ников] или в пять (5) фунтов и пятьдесят восемь (58) золотников»¹⁰. Изучение архивных документов дает основание считать, что серебряный потир и две серебряные тарелы 1658 г. из России тогда же, в 1860-е гг., были перевезены в Англию и переданы в церковь Св. Варнавы. О судьбе дискоса, звездицы, лжицы и других предметов из этого набора ничего не известно.

История поступления евхаристических предметов в церковь Св. Варнавы Оксфорда

С 1985 г. литургический набор находится на хранении в ризнице кафедрального собора Крайст-черч в Оксфорде (Christ Church, Oxford). Он был передан туда из церкви Св. Варнавы – примечательного оксфордского храма в районе Джерико (Ил. 4), архитектура которого воспроизводит черты стиля базилики на острове Торчелло близ Венеции и церкви Сен-Клементе в Риме. Основателем и ктиторм храма, освященного в 1869 г., был Томас Комб (1796–1872), суперинтендант оксфордского издательства Кларендон пресс (Clarendon Press) и весьма состоятельный человек [Hughes, p. 850–852; Whitlock, p. 1–4]. Т. Комб и его супруга Марта были известными филантропами и покровителями художников-прерафаэлитов, а также сторонниками обновления Англиканской церкви через ее сближение с православием [Hughes, p. 851; Coates; Buser, p. 102–109; Heathcote].

Представители религиозного «Оксфордского движения», «трактарианцы», к которым принадлежал Т. Комб, считали православие вместе с англиканством и католицизмом тремя историческими ветвями вселенского христианства, которые должны существовать в единстве. Среди них были весьма влиятельны приверженцы установления контактов с Православной церковью [Федотов, 2015; Федотов, 2017; Стецкевич, Поляков; Стецкевич]. Приобретение русских евхаристических сосудов для построенного на оксфордской рабочей окраине храма было, вероятно, связано с желанием символически «включить» в англиканское богослужение

⁸ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496 (Вологодская духовная консистория). Оп. 1. Д. 5832. Л. 76 об.

⁹ ГАВО. Ф. 1063 (Церкви Вологодской епархии). Оп. 57. Д. 11. Л. 3 об.; Д. 24. Л. 7 об.–8.

¹⁰ ГАВО. Ф. 1063. Оп. 57. Д. 27. Л. 22.

Ил. 4. Церковь Св. Варнавы в Оксфорде в районе Джерико.

элементы православного обряда через использование литургического потира и тарелей из России. Первые описания оксфордской церковной утвари, в которых удалось обнаружить упоминание вологодского евхаристического набора, были опубликованы в 1896 и 1928 гг. В обоих изданиях утверждается, что потир и две тарели были подарены церкви Св. Варнавы Томасом Комбом, эсквайром из оксфордской университетской типографии [Stapleton, p. 10–11; Evans, p. 123].

Заинтересовавшись надписями, тогдашний викарий попытался найти того, кто сможет их прочесть. Таким помощником стал не названный по имени живший в Оксфорде болгарин. Разобрав надписи возле изображений и верно прочитав слова «Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим», анонимный помощник решил, что упоминание названия монастыря на потире и тарелях является указанием места их изготовления: «Сделано в монастыре Воскресения в Полуцке, 7166 г.». Этот странный топоним, представляющий

собой нечто среднее между «Полоцком» и «Луцком», по мнению автора описания 1928 г., антиквара Дж. Т. Эванса, обозначал место, которое и находилось где-то «близ Луцка» [Evans, p. 123].

Сравнительно недавно Ричардом Витлоком была опубликована краткая история церкви Св. Варнавы, в которой также упомянут «замечательный редкий русский потир и тарель (так. – В. И., В. Ч.) из Прилук, датирующиеся 1658 г.». Однако в этом издании сообщается, что они были подарены «графом Гейнсборо (родственником отца Ноэля) в 1869 г.» [Whitlock, p. 14]¹¹. Речь здесь идет о Чарльзе Джордже Ноэле, 2-м графе Гейнсборо (1818–1881), и его родственнике Генри Монтагю Ноэле, выпускнике Оксфордского университета, ставшем первым vikarием новой церкви Св. Варнавы [Foster, 1882, p. 292; Foster, 1891, p. 1026]. Эти же известия (с верным указанием на происхождение литургического набора из Никольской церкви на Валухе близ Прилук) повторены Г. Парпуловым в кратком каталоге выставки русских икон и литургической утвари, проходившей в Крайст-черч в 2010 г. [Pargulov, p. 7]. Несмотря на несколько противоречивые сведения разных источников, нет сомнения в том, что предметы из евхаристического набора оказались в оксфордской церкви уже с момента ее освящения в 1869 г., когда там появился первый vikарий, принадлежавший к знатной английской семье.

Как раз перед этим, в 1867 г., Т. Комб с супругой Мартой путешествовали по Российской империи. О встрече с ними 10 августа 1867 г. в доме капеллана московской англиканской церкви упоминает оксфордский математик и священнослужитель Ч. Л. Доджсон – Льюис Кэрролл [Davies; Красавченко, с. 84–85 (на основе публикации М. Дэвиса)]. Именно Т. Комб незадолго до этого напечатал в оксфордском издательстве его ставшую вскоре знаменитой «Алису в стране чудес». Впрочем, и сама книга, и качество первой ее публикации тогда показались всем совершенно неудовлетворительными. Тем не менее Льюис Кэрролл не мог не отметить в своем дневнике примечательную встречу с оксфордским издателем в Москве. Кажется вполне вероятным, что именно Т. Комб, интересовавшийся православной литургией и обрядами подобно другим приверженцам «Оксфордского движения», во время путешествия каким-то образом приобрел вологодский литургический набор. Средства на это могла дать и семья Гейнсборо. Вернувшись же в Оксфорд, Т. Комб передал потир и тарели в только что построенный храм, желая украсить его церковным серебром, не менее ценным и редким, чем имевшееся тогда в часовнях самых богатых оксфордских колледжей¹², а также связать его незримой духовной нитью с русским православием.

Типология, надписи, особенности стиля и техники изготовления литургических сосудов 1658 г.

Разнообразные сосуды и предметы для Евхаристии известны на Руси с XI в.¹³ С принятием христианства они стали широко использоваться при богослужении в древнерусских храмах. Такие предметы в документах именовались «дароносными», «служебными», «служащими», «святыми», «церковными», «олтарными», «освященными», «божием милосердием» или просто «сосудами». Потир, дискос, литургическая ложка (лжица), звездица и другие «сосуды церковные» середины XVII в. изготавливались в соответствии с древней византийской традицией, определявшей их назначение во время богослужения и отразившейся также в самой

¹¹ В современной инвентарной описи ризницы именно граф Гейнсборо, «кузен первого vikария», указан в качестве дарителя евхаристического набора, имя же Т. Комба зачеркнуто от руки. Впрочем, в Оксфорде бытует и предание о том, что потир и тарели были подарены «русским царем».

¹² О коллекциях оксфордского церковного серебра см.: [Clifford, p. 36–55].

¹³ В Софийском соборе в Киеве на мозаике XI в. «Причащение апостолов» в центральной апсиде под конхой имеются изображения потира, дискоса и звездицы (1040-е гг.), а на мозаике XII в. «Причащение апостолов на Евхаристии» Михайловского Златоверхого монастыря изображены потир, дискос, лжица, звездица, копие.

форме предметов, особенностях имевшихся на них священных изображений и литургических надписей, в материале и технике их изготовления.

По венцу гладкой полусферической чаши византийского и древнерусского потира, в отличие от западноевропейского, традиционно гравировалась евхаристическая надпись, ниже в круглых медальонах – изображения Деисуса и Голгофский крест, а внизу поддона нередко – вкладная надпись. Широкая чаша древнерусских серебряных потиров, так же как и многих византийских и романских, выковывалась из серебра, а священные изображения и литургические надписи гравировались с наружной стороны чаши. В число предметов, используемых при Евхаристии, входили также две или три дорные тарели (блюда, блюдца), звезда («звезда», «купол», «сень»), два покровца и воздух и др. В XVI–XVII вв. на дорных тарелях обычно гравировались изображения Богоматери «Знамение», Голгофского креста и Иоанна Предтечи, редко – Николая Чудотворца¹⁴, Иоанна Златоуста¹⁵. Так же как детали потира, дорные тарели 1658 г. выковывались молотом на специальной наковальне. Детали этих предметов изготовлены в технике выколотки¹⁶. Следыковки и небольшие трещины хорошо заметны с оборотной стороны тарелей (Ил. 5, 6).

По борту тарелей часто вырезаны евхаристические надписи, а с оборота иногда – вкладные. Разнообразный состав, пропорции и своеобразие форм евхаристических предметов, характер их декора тесно связаны с историческим развитием чинопоследования литургии в православном храме. На протяжении нескольких столетий состав таких предметов изменялся и со временем увеличивался. Видоизменялись формы и пропорции изделий, стиль священных изображений и орнамента, а также техника их изготовления [Игошев, с. 124–139, 381–403].

Серебряные потир и две серебряные дорные тарели 1658 г. сделаны в одной мастерской и в одно время. Священные изображения на всех предметах отличаются единством иконографии, стиля и техники их изготовления, сходством палеографических особенностей надписей. На лицевой стороне каждой тарели золочением выделены круглые медальоны с гравированным изображением Богоматери «Знамение» (Ил. 2) и Голгофского креста (Ил. 3), а на полях – по четыре картуша в виде дугообразных полосок с обронной (резной) литургической надписью. На оборотной стороне тарелей золочение отсутствует. Край каждого картуша-полоски по торцам завершаются килеобразными стенками. По краю круглых тарелей «накован» узкий сложно профилированный бортик, выделенный золочением. Такой кант создает впечатление завершенности и массивности предмета, а также является ребром жесткости, положительно влияющим на излом и прочность. Такой же бортик сделан и по венцу чаши потира 1658 г.

С оборотной стороны каждой тарели по борту гравированы вкладные надписи, помещенные в круглый пояс (Ил. 5, 6). Буквы гладкие и обведены тонкой резной линией, а фон заполнен плотной резной штриховкой. Начало и конец каждой надписи разделяет гладкая

¹⁴ Блюдо. Государственный Русский музей. Инв. № ДРМ-3237. Конец XVI – начало XVII в. Медный сплав, давление, гравировка, полуда [Декоративно-прикладное искусство, с. 383–384].

¹⁵ Например, в описи 1774 г. ярославского Успенского собора отмечено: «Блюдо серебряное для ношения антидора, на нем в середине образ Иоанна Златоуста, по краям четыре евангелиста, края чеканные, весом три фунта осьмнадцать золотников» (Государственный архив Ярославской области. Ф. 230 (Ярославская духовная консистория). Оп. 13. Д. 5714. Л. 7).

¹⁶ Выколотка – от слова «выколачивать» – технологический прием ручной обработки слитков металла стальным молотком на специальных наковальнях для получения полых сосудов. Эта техника широко использовалась при изготовлении серебряных и золотых изделий средневековыми мастерами. В трактате бенедиктинского монаха и художника Теофила имеется описание этой техники, используемой при изготовлении серебряного потира, состоящего из чаши и поддона (*Theophilus. On Divers Arts. The Foremost Medieval Treatise on Painting, Glassmaking and Metalwork*. New York, 1979. P. 99–103). В Новое время выколотка заменяется давлением тонкой металлической пластины на токарном станке.

Ил. 5. Обратная сторона дорной тарели 1658 г. с изображением Богоматери «Знамение»
из вологодского Никольского монастыря на Валухе

Ил. 6. Обратная сторона дорной тарели 1658 г. с изображением Голгофского креста
из вологодского Никольского монастыря на Валухе

Ил. 7. Гравированное изображение Голгофского креста на чаше потира 1658 г.
из вологодского Никольского монастыря на Валухе

Ил. 8. Серебряный потир, вложенный князем Темкиным-Ростовским
в ростовский Георгиевский Белогостицкий монастырь. 1658–1659 гг. (ГМЗРК)

восьмилепестковая резная цветочная розетка, выделяющаяся на резном заштрихованном фоне. Обратная сторона тарелей не золотилась.

На первой тарели на лицевой стороне гравировано изображение Богоматери «Знамение» в круглом медальоне (инв. № 85) с характерными дугообразными складками одежды Богоматери в виде тонких параллельных линий, имеющих на гравированных изображениях на чаше потира, входящего в этот набор литургических сосудов (Ил. 2). По бортам тарели в четырех дробницах гравирована надпись молитвы из кондака Богородицы: «ВСЕ УПОВАНИЕ МОЕ / К ТЕБЕ ВОЗЛАГАЮ М[А]ТИ / Б[О]ЖИЯ СОХРАНИ МЯ / ВО СВОЕМЪ СИ КРОВЕ»¹⁷. На оборотной стороне тарели гравирован поясok с вкладной надписью без золочения: «ЛЕТА 7166 Г[О] (1658) ГОДУ АПРЕЛЯ ВЪ 11 (ДЕ)[НЬ] ПОСТРОЕНЫ СОСУДЫ В ВО(Т)ЧИНУ ПРИЛУЦКАГО М[О]Н[А]СТ[Ы]РЯ К Ц[Е]РКВИ К ВО(С)КРЕСЕНІ(Ю) ХР[И](С)ТОВУ И К НІКОЛЕ ЧЮДОТВОРЦУ НА ВАЛУХУ» (Ил. 2). Буквы надписей гладкие и обведены тонкой резной линией, а фон надписи заполнен плотной резной штриховкой.

На второй тарели на дне гравировано изображение Голгофского креста в круглом медальоне (инв. № 84) (Ил. 3), которое является полной аналогией изображению Голгофского креста на круглом медальоне чаши потира (Ил. 7). На этих предметах точно повторяется форма ромбовидной пещеры с головой Адама, изображение стены Иерусалима, округлые очертания холмов Голгофы и другие детали. На тарели и на потире заметно сходство стилизованной стены Иерусалима на фоне Голгофского креста. Гравированные изображения на литургических сосудах 1658 г. имеют большей частью яркий стилизованный характер, в котором особенно заметны мотивы, близкие к архаичному народному искусству.

С лицевой стороны серебряной тарели по борту на четырех картушах в виде полосок, выделенных золочением, гравирован тропарь Кресту: «КРЕСТУ ТВОЕМУ / ПОКЛАНЯЕМСЯ ВЛ[А](Д)[Ы]КО / И С[ВЯ]ТОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ / ТВОЕ СЛАВИМЪ». С оборотной стороны по борту гравирован поясok надписи без золочения: «ЛЕТА 7166 (1658) Г[О] ГОДУ АПРЕЛЯ ВЪ 11 (ДЕ)[НЬ] ПОСТРОЕНЫ СОСУДЫ В ВО(Т)ЧИНУ ПРИЛУЦКАГО М[О]Н[А]СТ[Ы]РЯ К Ц[Е]РКВИ К ВО(С)КРЕСЕНІ(Ю) ХР[И](С)ТОВУ И К НІКОЛЕ ЧЮ(ДО)ТВО(Р)ЦУ НА ВАЛУХУ» (Ил. 6). Текст надписи такой же, как на тарели с гравированным изображением Богоматери «Знамение», имеются только небольшие отличия в написании отдельных слов.

На потире и на двух дорных тарелях схожа палеография надписей со свободно расположенными буквами, отличающимися от плотных и сжатых букв, которые гравировали на своих работах московские серебряники. Несколько упрощенный, но очень яркий и своеобразный характер изображений святых позволяет предположить, что литургические сосуды изготовлены в одном из региональных древнерусских центров. Как известно, каждый город имел свои культурные традиции, свой особый уклад жизни, и в то же время между крупнейшими художественными центрами издревле существовали постоянные контакты. Далеко не всегда предметы церковной утвари, происходящие из того или иного монастыря или храма, были выполнены местными мастерами. Нередко они заказывались ювелирам, которые работали в других регионах Московского государства, поскольку существовали устойчивые церковные, торговые, деловые, родственные и иные связи.

¹⁷ Все резные надписи даны в упрощенной орфографии и прописными буквами. Даты приводятся в цифровом выражении, в круглых скобках – их перевод на новую эру, тысячный знак пропущен. Разделение надписи на строки или части обозначено: /. Выносные буквы воспроизводятся в строке в круглых скобках, сокращения (титла) раскрываются в квадратных скобках, ударения и придыхания не передаются.

Ил. 9. Серебряный потир из ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря. XVII в. (ГМЗРК)

Сохранность серебряных изделий

Внешний вид серебряных предметов из оксфордского храма заметно отличается очень ярким блеском. Поверхность потира и тарелей (с лицевой и оборотной сторон) очищена и отполирована до зеркального блеска. Давняя традиция чистки и полировки серебра в Англии распространяется до настоящего времени не только на бытовое столовое серебро, но и на музейные предметы, в том числе и церковную утварь. Потемнение серебра происходит от содержащихся в атмосфере мельчайших частиц сернистых соединений, выделяющихся от работающих промышленных предприятий, заводов, традиционной растопки каминов углем и торфом в холодную сырую погоду, а также от загазованности, возникающей в результате интенсивного автомобильного движения. Хорошо известно, что нередко для очистки столового и церковного серебра использовались абразивные материалы, которые отрицательно влияли на сохранность предметов. Так, в инструкции 1680 г. по очистке предметов серебряной

утвари в Англиканском Карлайлском соборе сказано: «Тереть флагоны и чаши сверху вниз, а не крест-накрест. Блюда и тарели нужно тереть по окружности, а не поперек, ни в коем случае не использовать мел, песок или соль» [Silver, p. 29].

В 1880-х гг. представители английской фирмы «Elkington & Co» при изготовлении гальванокopий средневекового английского серебра в собраниях Московского Кремля и Эрмитажа¹⁸ отмечали, что в России музейные (исторические) предметы из серебра не чистили. Поэтому на поверхности изделий прекрасно сохранились тончайшие гравированные линии, богатейшая и разнообразная фактура чеканки, локальная полировка отдельных деталей. Такие результаты бережного отношения к музейным экспонатам, которые не подвергались чистке, англичане ставили в пример как положительный опыт, который приводит к хорошей сохранности поверхности предметов [Silver, p. 29]. В настоящее время при богослужении в храме Св. Варнавы используются копии русских серебряных литургических предметов¹⁹.

Ил. 10. Изображение Спаса Вседержителя на чаше потира 1658 г.
из вологодского Никольского монастыря на Валухе

¹⁸ Фирма «Elkington & Co» в 1884 г. изготовила гальванокopию серебряного винного холодильника из Эрмитажа для Музея Виктории и Альберта.

¹⁹ По особо торжественным поводам (как, например, на юбилейной службе в октябре 2019 г. по случаю 150-летия церкви) литургия совершается на подлинных сосудах XVII в. Сообщено в письме от 17 ноября 2020 г. пастором Кристофером Вудсом.

Сопоставление потира 1658 г. из вологодского Никольского монастыря на Валухе и двух аналогичных потиров из Музея-заповедника «Ростовский кремль»

Серебряный потир, вложенный в 1658 г. в вологодский Никольский монастырь, состоит из нескольких деталей, выполненных из раскованных молотом серебряных пластин (Ил. 1). Полусферическая чаша и стоян в виде короткой трубки, округлое слегка приплюснутое полое яблоко (рукоять) и высокий конусообразный поддон скреплены между собой серебряным припоем.

Схожая конструкция, иконография и техника гравированных изображений, идентичные по форме деталям и технике чеканного декора на потире 1658 г. из вологодского Никольского монастыря на Валухе, имеются на двух аналогичных серебряных потирах из Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» (далее – ГМЗРК). Первый потир вложен стольником и боярином, князем Темкиным-Ростовским в 1658–1659 гг. в Георгиевский Белогостицкий монастырь, расположенный близ Ростова²⁰ (Ил. 8). На втором потире, происходящем из ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря²¹, надпись о времени и месте вклада отсутствует²² (Ил. 9).

Все три аналогичных предмета изготовлены в середине XVII в. одним или двумя мастерами (чеканщиком и гравером), поскольку полностью совпадают общая форма потиров, иконография и стиль священных изображений, форма отдельных деталей и чеканный узор, состоящий из чешуек и треугольников, гравированный растительный орнамент из трилистников на чаше. Идентична техника выколотки, используемая для изготовления деталей этих потиров. Имеется сходство гравированных священных изображений Деисуса и иных (Ил. 10, 11, 12), а также Голгофского креста в круглых медальонах диаметром 5,0 см. Схожи палеография надписей, а также все особенности и тончайшие нюансы техники изготовления этих серебряных предметов. На трех потирах гравированы четыре круглых медальона со священными изображениями, вплотную придвинутые кверху к венцу чаши, разделяющие пояски с резными литургическими надписями. Три медальона с Деисусом сгруппированы вместе, а четвертый – гравирован на противоположной стороне чаши.

Все высокие поддоны трех потиров украшены косыми, как бы «закручивающимися» по спирали чеканными выпуклыми ложками. В отличие от вологодского потира (Ил. 1) поддон потира 1658–1659 гг. более массивный, а косые выпуклые ложки «закручены» по часовой стрелке менее активно (Ил. 8). Еще менее активно изгибаются по направлению часовой стрелки выпуклые ложки третьего потира (Ил. 9), который выполнен в более стройных пропорциях, с более высоким и тонким поддоном в верхней части и с рукоятью-яблоком меньших размеров, чем на аналогичных сосудах. Форма полусферической чаши этого сосуда не такая глубокая, как на потирах 1658 и 1658–1659 гг. И еще одно отличие третьего потира от аналогичных – диаметр его чаши такой же, как и диаметр поддона, – 14,2 см.

Отдельные части всех трех аналогичных серебряных потиров выделены золочением. Позолочены внутренняя гладкая поверхность чаши и четыре круглых медальона

²⁰ Потир 1658–1659 гг. ГМЗРК. Инв. № ДМ-11. Серебро, выколотка, чеканка, гравировка, монтировка, золочение. Высота – 26,2 см. Диаметр чаши – 14,0 см. Диаметр поддона – 15,0 см. Размер изображений на чаше по внутренней окружности – 4,8 см, по внешней – 5,0 см. Вес – 489,3 г.

²¹ В музей серебряный потир поступил из ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря в 1921 г. (сообщено хранителем ГМЗРК А. А. Печниковой).

²² Потир XVII в. ГМЗРК. Инв. № ДМ-12. Серебро, выколотка, чеканка, гравировка, монтировка, золочение. Высота – 25,2 см. Диаметр чаши – 14,2 см. Диаметр поддона – 14,2 см. Размер изображений на чаше по внутренней окружности – 4,8 см, по внешней – 5,0 см. Вес – 379,5 г.

с гравированными священными изображениями на лицевой поверхности чаши. На двух потирах (из Оксфорда и Авраамиева монастыря) золочением выделены пояски внизу поддона, три из шести выпуклых ложек на поддоне и округлое яблоко.

Между чашей и поддоном потиров припаян стоян в виде короткой гладкой трубки без золочения, а ниже – округлое, слегка сплющенное сверху и снизу полое яблоко, которое разделено гладкими узкими чеканными кантами на шесть сегментов, напоминающих дольки мандарина. Три сегмента этой детали декорированы рядами остроконечных чеканных треугольников, чередующихся с тремя сегментами, заполненными чешуйчатым чеканным орнаментом.

На потирах к полому яблоку внизу крепится высокий конусообразный чеканный поддон, с шестью выпуклыми косыми ложками, как бы «закрученными» по направлению часовой стрелки. Каждая из шести чеканных ложек обведена гладким узким кантом. Ложки на поддоне потира украшены таким же чеканным декором, как и яблоко. Этот узор, состоящий из мелких округлых чешуек, чередуется с узором из треугольников, чеканных плотными горизонтальными рядами на яблоке и на поддонах трех потиров. В свою очередь, отдельные гладкие чешуйки и треугольники на поддоне и яблоке потиров перемежаются с треугольниками и чешуйками, прочеканными фактурным чеканом с мельчайшей сетчатой разделкой с «боем» в форме овала (Ил. 13, 14).

Ил. 11. Изображение Спаса Вседержителя на чаше потира, вложенного князем Темкиным-Ростовским в ростовский Георгиевский Белогостицкий монастырь. 1658–1659 гг. (ГМЗРК)

Ил. 12. Изображение Спаса Вседержителя на чаше потира из ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря XVII в. (ГМЗРК)

Чешуйчатая разделка напоминает деревянные чешуйчатые покрытия глав русских храмов, колоколен, крепостных башен и жилых построек. Подобный декор (лемех) в монастырских и церковных описях назывался «чешуя деревянная» или «тес с зубцами». Чешуйчатый узор на выпуклых ложках чередуется с узором, состоящим из рядов мелких остроконечных треугольников, который воспроизводит декор стен зданий – руст. Выпуклые ложки сужаются кверху и плавно расширяются книзу к краю поддона, заканчиваясь округлыми завершениями.

1. Внизу поддона потира 1658 г., происходящего из вологодского монастыря, гравировано: «ЛЕТА 7166 (1658) ГОДУ АПРЕЛЯ ВЪ 11 (ДЕ)[НЬ] ПОСТРОЕНЪ ПОТІ(Р) В ВОТЧИНУ ПРИЛУЦКАГО М[О]Н[А]СТ[Ы]РЯ К Ц[Е]РКВИ ВОСКР[Е]СЕНІЮ ХР[И] (С) ТОВУ И К НІКОЛЕ ЧЮДОТ/ВОРЦУ НА ВАЛУХУ» (Ил. 1). Буквы надписи гладкие и по контуру обведены тонкой резной линией, а фон заполнен плотной горизонтальной резной штриховкой. Начало и конец надписи разделены восьмилепестковой цветочной розеткой с округлыми лепестками. По венцу чаши потира на пояске гравирована литургическая надпись, которая разделяется кругами с Деисусом: «ТЕЛО Х[РИСТО]ВО ПРИМЕТЕ ИСТОЧНИКА / БЕСМЕ(Р)ТНАГО ВКУСИТЕ АЛЛИЛУІА». Эти слова произносит священник во время богослужения при причащении мирян, выходя из алтаря храма через Царские врата при выносе Святых Даров. Фон надписи заполнен горизонтальной плотной штриховкой. Между медальонами вверху гравирован растительный орнамент трав – парные стебли с трилистниками, вырастающими из одного ствола.

2. Внизу на поддоне потира 1658–1659 гг. (ГМЗРК) гравирован поясok с вкладной надписью: «ЛЕТА 7167 (Г[О]) (1658–1659) ГО(ДУ) ДА(Л) СІЕ СОСУДЫ В ДО(М) ПР[Е]Ч[ИС]ТЫЕ Б[О]ГОРОДИЦЫ БЕЛОГОСТИ(Н)СКО(И) М[О]Н[А]С[Т]ЫРЬ

ЧТО В РОСТОВЕ БОЯРИ(Н) КН[Я]ЗЬ МИХА(И)ЛА МИХА(И)ЛОВИЧЬ ТЕМКИ(Н) РОСТОВСКО(И)» (Ил. 8). Князь М. М. Темкин-Ростовский, который жил в своей вотчине недалеко от монастыря и был бездетным, много жертвовал обители на каменные строения и делал богатые вклады²³. В сентябре 1630 г. князь находился в Туле, где был первым воеводой большого полка, в 1633 г. назначен воеводой в Тобольск, а в 1641 г. – первым воеводой в Казань. С 1654 г. он принимал участие в войне с Речью Посполитой и в 1655 г. был во втором походе против литовского гетмана Я. Радзивилла. Супругой князя стала Мария Ивановна Измайлова, умер же он в октябре 1661 г., не оставив потомства [Русский биографический словарь, с. 463–465]. По венцу чаши потира, вложенного князем Темкиным-Ростовским в 1658–1659 гг., гравирована такая же литургическая надпись, как и на потире из вологодского Никольского монастыря 1658 г.: «ТЕЛО Х[РИСТО]ВО ПРИИМЕТЕ ИСТОЧНИКА / БЕСМЕРЪТНАГО ВКУСИТЕ АЛЛИЛУИЯ».

3. На серебряном потире XVII в. из ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря (ГМЗРК) вкладная надпись на поддоне отсутствует. На месте надписи – гладкая золоченая кайма. По венцу чаши потира гравирован пояс с литургической надписью: «ПИИТЕ ОТ НЕЯ ВСИ СЕ ЕСТЬ КРОВЬ МОЯ НОВАГО ЗАВЕТА / ЯЖЕ ЗА ВЫ ЗА МНОГИ ИЗЛИВАЕМАЯ В ОСТА(В)ЛЕНИЕ ГРЕХО[В]» (Ил. 9). Она отличается от надписей на потирах 1658 и 1658–1659 гг. Схожие надписи гравированы на древнерусских потирах XIV в.²⁴, а также на потирах XVI–XVII вв. [Декоративно-прикладное искусство, с. 366–373; Игошев, с. 32] и на серебряных евхаристических чашах, сделанных в Новое время. Эта надпись является более краткой версией евхаристической молитвы: «Пиите от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов», восходящей к текстам Евангелия (Мф 26: 26–29; Мк 14: 22–25; Лк 22: 15–20).

На трех аналогичных потирах на гладкой поверхности чаш гравированы поясные изображения Деисуса, помещенные в трех крупных кругах, плотно соединенных между собой. Тонкой линией вырезаны поясные фигуры Деисуса на гладком фоне. Это центральная фигура Спаса Вседержителя, а по сторонам – вполоборота Богоматерь и Иоанн Предтеча. Верхняя часть каждого медальона касается венца чаши с бортиком, накованным в виде узкого канта, толщина которого значительно больше, чем толщина стенок чаши. Благодаря такому приему чаши серебряных потиров производят впечатление массивных и тяжелых.

На чашах трех аналогичных потиров на гладком поле центрального медальона гравировано поясное изображение Спаса Вседержителя с крестчатым венцом, благословляющего правой рукой с двуперстием и с закрытым Евангелием в левой руке (Ил. 10, 11, 12). Здесь же имеются резные схожие по палеографии надписи: «ИС / ХС»; «Г[ОСПОД]Ь ВСЕ/ДЕ(Р)ЖИТ[Е](Л)Ь», на перекрестиях венца – «О / Г[О]Т / Н». Можно отметить редкую особенность иконографии Спаса Вседержителя на изображениях на чашах потиров – борода Иисуса Христа внизу раздвоена на парные завитки (Ил. 10, 12). Схожее изображение Спаса с бородой, раздвоенной на парные завитки, имеется на двух аналогичных ромбовидных средниках с окладов

²³ Известно, что в ярославский Спасский монастырь князь М. М. Темкин-Ростовский вложил две перламутровые чарки в серебряных оправках работы казанских мастеров первой половины XVII в., которые использовались для освящения антиминсов [Игошев, с. 32, 157].

²⁴ Например, на «потире архиепископа Моисея» 1329 г. (Государственные Музеи Московского Кремля. Инв. № ДК 17), на потире XIV в. (Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник. Инв. № 144-ихо).

Ил. 13. Фрагмент поддона потира 1658 г. из вологодского Никольского монастыря на Валухе

Ил. 14. Фрагмент поддона потира, вложенного князем Темкиным-Ростовским в ростовский Георгиевский Белогостицкий монастырь. 1658–1659 гг. (ГМЗРК)

Евангелий, изготовленных этим же мастером в середине XVII в.²⁵, а также на лицевой стороне восьмиконечного напрестольного креста 1667 г.²⁶

На чашах потиров на гладком поле круглого медальона с изображением Богоматери «Знамение» гравировано: «М(ήτη)P / Θ(ε)ΟΥ», а на медальоне с резным изображением Иоанна Предтечи – «ИВА(Н) / ПРЕ(ДО)ТЕЧА». Одежды святых имеют характерную и редко встречающуюся особенность: складки широкие, дугообразные и состоят из нескольких плотных резных штрихов, многие основные линии рисунка дополнительно выделены частой штриховкой, состоящей из пересекающихся под прямым углом коротких штрихов.

На противоположной стороне поверхности гладких полусферических чаш этих потиров гравирован четвертый медальон с восьмиконечным Голгофским крестом на фоне несколько упрощенного и стилизованного изображения стены Иерусалима. По сторонам Голгофского креста тонкой линией вырезаны изображения копья и трости с губкой, которые расположены под острым углом по отношению к стволу креста. Крест утвержден на Голгофе в виде нескольких округлых холмов с пещерой ромбовидной формы, внутри которой видна голова Адама. В отличие от аналогичных изображений на двух потирах 1658 г. (из Оксфорда) и 1658–1659 гг. (ГМЗРК), на третьем потире из Авраамиева монастыря (ГМЗРК) Голгофа изображена ступенчатой.

Аналогичный потир 1659 г., происходящий из тверского Желтикова монастыря

В Государственном Историческом музее сохранился еще один серебряный потир, выполненный этим же мастером в 1659 г.²⁷, вложенный священником Антипой Филимоновым [Матисон, с. 122, 130] в тверской Желтиков Успенский монастырь, который был основан св. Арсением, епископом Тверским в 1394 г. [Строев, стб. 456] (Ил. 15). Этот предмет является полной аналогией потирам 1658 г. (из Оксфорда), 1658–1659 гг. (ГМЗРК) и потиру из Авраамиева монастыря (ГМЗРК). На поддоне потира, украшенного чеканными косыми ложками с чешуйчатыми и сетчатым узором из треугольников, гравирована надпись: «ЛЕТА (7) 167 (1659) (Г[О]) ИЮЛЯ ВЪ 20 (ДЕ[НЬ]) ДА(Л) СІЕ СОСУДЫ С МОСКВЫ В(В)ЕДЕ(Н)СКА(И) ПО(П) А(Н)ТИПА ВО (Т)ВЕ(Р) В ЖЕ(Л)ТИКО(В) М[О]Н[А](С)Т[Ы]РЬ К А(Р)СЕНИЮ ЧУДО(Т)ВО(Р)ЦУ ПО СВОИХЪ РОДИТЕЛЕ(Х)». Надписи с буквами расположены свободно и отличаются от плотной вязи, характерной для московских серебряных предметов. По венцу чаши потира гравировано: «ТЕЛО Х[РИ]С[ТО]ВО ПРИМЕТЕ ИСТОЧНИКА / БЕСМЕРЪТНАГО ВКУСИТЕ АЛ(Л)ИЛУ(И)А».

Все надписи на исследуемых предметах – потире и тарелях 1658 г. (из Оксфорда), на двух потирах (ГМЗРК) и потире 1659 г. (ГИМ) – имеют схожую палеографию. На четырех

²⁵ Средник оклада Евангелия с гравированными изображениями Спаса Вседержителя с предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечей, Саваофа и двух светил. ГМЗРК. Инв. № ДМ-47/1. Серебро, гравировка, золочение. 15,5 × 13,6 см. Средник оклада Евангелия с гравированными изображениями Спаса Вседержителя с предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечей на фоне палат. ГМЗРК. Инв. № ДМ-46/1. Серебро, гравировка, золочение. 15,6 × 13,9 см.

²⁶ Крест напрестольный 1667 г. ГМЗРК. Инв. № ДМ-149. Происходит из церкви Спаса на Сенях Ростовского Архиерейского дома. Серебро, чеканка, гравировка, золочение, монтировка. 33,5 × 17,0 см. На оборотной стороне креста на рукояти гравирована надпись: «ЛЕТА 7/175 (1667) Г[О]ДУ М[ЕСЯ]ЦА МАИ/Я 1 Д[Е]НЬ ПО/ЛОЖЕ(Н) КРЕ/СТЪ НА ПР[Е](С)ТО(Л) / ВСЕМИЛО(С)ТИ/ВО(МУ) СПАСУ НА (ДО)М/ОВО(М) ДВОРЕ / В РОСТОВЕ».

²⁷ Потир 1659 г. ГИМ. ОК 6895. Инв. № 1542 Ш. Серебро, выколотка, чеканка, гравировка, монтировка, золочение. Высота – 23,8 см. Диаметр поддона – 14,4 см. Авторы сердечно благодарят сотрудника ГИМ Г. М. Крюк за предоставленную возможность изучить памятник.

аналогичных потирах гравированные изображения Деисуса и Голгофского креста схожи по иконографии и обладают идентичными технико-технологическими особенностями.

* * *

Выявленная группа из четырех потиров имеет типологические отличия от серебряных потиров, которые в середине XVII в. делали московские, новгородские, псковские, ярославские и нижегородские мастера. Иконография, стиль и технико-технологические особенности изготовления исследуемых предметов литургической утвари аналогичны целому ряду серебряных предметов, выполненных серебряниками, которые работали по заказам или в мастерской Ионы (Сысоевича), который 15 августа 1652 г. патриархом Никоном был поставлен митрополитом Ростовским и Ярославским. Владыка Иона был активным строителем многочисленных храмов и монастырей в своей епархии и прилагал много усилий для придания им благолепия [Вахрина]. Особенно он прославился созданием гармонично подобранных и выверенных ростовских звонов и литьем колоколов. Начиная с 1664 г. в Ростове под руководством митрополита Ионы возводится обширный ансамбль митрополичьего двора – знаменитый Ростовский кремль [Мельник].

По указанию митрополита Ионы многие строения украшались росписью, иконами, а ризницы заполнялись драгоценной церковной утварью. В мастерской владыки создавались замечательные высокохудожественные произведения церковного искусства, которые вкладывались не только в церкви и монастыри Ростова, но и в храмы других городов.

Монашество Иона принял в Воскресенском монастыре в Угличе, поэтому в этот монастырь он послал роскошный серебряный золоченый чеканный напрестольный крест, сохранившийся в Угличском музее²⁸. На его обороте, на рукояти в киотце с килевидным верхом, гравирована надпись: «ЛЕТА 7184 (1676) / ИЮНЯ ВЪ 30 ДЕН(Ь) / ПОСТРОИЛЪ СЕИ / БЛ[А]ГОСЛОВЯЩИЙ / КРЕ(С)ТЪ ПРЕОСВЯЩЕ/ННЫЙ ИОНА МИ/ТРОПОЛИТЪ РО/СТОВСКИЙ И ЯРОСЛАВСКИЙ / СЕРЕБРЯНОЙ И / ВЫЗОЛОЧЕНЪ / ЧЕКАНОЙ / НА ОУГЛЕЧЪ В / ВОСКРЕСЕНЪС/КОЙ М[О]Н[А](С)Т[Ы]РЬ». В мастерской митрополита Ионы в 1660–1670-е гг. изготовлены и другие предметы церковной утвари, которые нуждаются в исследовании и атрибуции.

В выполнении заказов митрополита по изготовлению церковной утвари, вероятно, активное участие принимали посадские ювелиры. Имена ростовских серебряников, работавших во второй половине XVII в. в Ростове, отмечены в письменных источниках. Среди них назван Карп Третьяков сын Тишкин – «делает серебряное дело», который имел двор в Десятинной сотне; двор другого серебряника, Елисея Филипова, был в Горицкой сотне около храма Симеона Столпника; серебряник Василий Семенов имел двор во Всесвятской десятне рядом с храмом Святых отцов, а серебряник Григорий Алексеев «из Ярославля из-за Спасского монастыря, по сыску взят в посад и дан на жилецкую поруку»²⁹. Вкладная надпись на потире 1659 г. (ГИМ) свидетельствует, что мастера, изготовившие евхаристические сосуды для тверского Желтикова монастыря, выполняли также заказы москвичей.

Исследуемые предметы отличаются от изделий, сделанных в крупнейших древнерусских центрах. Формы и характер декора этих аналогичных серебряных потиров выделяются среди близких по времени изготовления потиров «московского», «новгородского», «ярославского» и «нижегородского» типа [Игошев, с. 381–403]. Серебряный потир 1658 г. из Оксфорда (Ил. 1), так же как и два потира из ГМЗРК (Ил. 8, 9) и потир 1659 г. из ГИМ (Ил.

²⁸ Крест напрестольный. 1676 г. Ростов. Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. № 118. Серебро, дерево, чеканка, гравировка, золочение, монтировка.

²⁹ Переписные книги Ростова Великого второй половины XVII в. // РИБ. СПб., 1889. Т. 11. Приложения. С. 5–79.

15), сделаны в одной мастерской. Одновременно с потиром этими же мастерами изготовлены сохранившиеся в оксфордском храме две серебряные дорные тарели (Ил. 2, 3, 5, 6). По нашему мнению, вкладчицей литургических серебряных сосудов в 1658 г. в обитель могла быть одна из насельниц Никольского монастыря на Валухе. Возможно, ее имя значится в списке вкладчиц, стариц и белиц этой обители.

В результате проведенной работы в научный оборот впервые введены серебряные сосуды для Евхаристии, изготовленные в середине XVII столетия. На основании комплексного исследования предметов из церкви Оксфорда и аналогичных серебряных потиров из собрания Музея-заповедника «Ростовский кремль» и Государственного Исторического музея можно предположить, что все эти произведения выполнены в одной мастерской ростовскими серебряниками – мастерами чеканного и резного (граверного) дела.

Ил. 15. Серебряный потир из тверского Успенского Желтикова монастыря. 1659 г. (ГИМ)

Приложение

СПИСОК ИМЕН НАСЕЛЬНИЦ НИКОЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ НА ВАЛУХЕ

Никольский монастырь на Валухе. Спасо-Прилуцкий монастырь, 1653 г., июнь.

(Л. 1) 161-го году июня в...³⁰ день Прилуцкого монастыря по приказу государя архимарита Серапиона и государя келаря старца Селиверстра яж о Христе и з братьею, переписаны в Никольском девиче монастыре старицы и белицы, вкладчицы и не вкладчицы, и хто из них в монастырских кельях живут или в своих купленных и поставленья. В келье вкладчица белица Маремьяна Чашниковская, келья де она поставила на свои денги. У нея, Маремьяны, три подворницы не вкладчицы, старицы: старица Улия, старица Анисья, старица Улия ж. В келье вкладчица белица Дарья Борисовская, а келья под нею монастырская, куплена монастырскими казенными денгами у слуги, у Максима Кудрявцова, в нынешнем во 161-м году. В келье не вкладчица, Никольская просфирня старица Парасковья, живет в своей келье купленной. В келье две вкладчицы, старица Еупраксия Жиряковская да старица Домника, келья монастырская. В келье вкладчица Фекла, келья де свое поставление, на подворье сестра ея, белица Федосья, не вкладчица. // (Л. 2) В келье старица Дарья Наугородова вкладчица, келья свое поставление, подворница не вкладчица старица Ираида. В келье вкладчица старица Ульянея Опраксина, келья де строение отца ея, черного священника Ионы Опраксина, монастырская³¹. В полукелье вкладчица старица Варсонофья, а в другой в полукелье не вкладчица старица Агафия Корыткова, келья у них своя. Полкелье купила вкладчице, дала 2 рубли³². Келья пуста не вкладчицы покойной старицы Киликеи Ярыгинской, по духовной памяти приказана продать слуге Мирону Никитину, отдать по душе, куплена в монастырь³³. В келье две вкладчицы, старица Катерина да старица Феодора, келья у них³⁴ м(онастырская). В келье вкладчица белица Соболя Бохтюских, келья свое поставление. В келье не вкладчица старица Улия Юшкова, живет в своем поставлении. В келье вкладчица старица Марина Япанешница, келья свое поставление. // (Л. 3) Келья бобыля Ортюшки Патракиева, оценить из казны, дать денег³⁵. В келье Пашка Квасовар, а келья м(онастырская). Старец Ир Шестаковской. В келье Ермолка Горбун, а келья де тетки ево, вкладчицы старицы Натальи Гордиевской, отказана ему, Ермолке, по духовной памяти. (В келье) вкладчица белица, вдовая Мироносицкая поподья Мавра, подворница у нея не вкладчица старица Маремьяна Комелиха, двор свое поставление. (В келье) вкладчица белица Василиса Титовская жена Болтюзского. (В келье) вкладчица белица Марья Алексеевская жена Лежня³⁶.

Пять келей монастырских, а стариц вкладчиц 9 человек, да белиц вкладчиц 6 человек, да стариц не вкладчиц 7³⁷ человек, осмая³⁸ белица. И всех вкладчиц, стариц и белиц, 15 человек, да не вкладчиц, стариц да белиц 8³⁹ человек. И всех вкладчиц, стариц и белиц, и не вкладчиц 23⁴⁰ человека.

³⁰ В рукописи пропущено число.

³¹ Слово монастырская вписано над строкой другими чернилами. Внесенная в документ правка сделана, по-видимому, разными почерками, отличающимися от почерка писца основного текста документа.

³² Слова Полкелье купила вкладчице, дала 2 рубли вписаны между строк.

³³ Слова куплена в монастырь вписаны между строк.

³⁴ Далее зачеркнуто: свое поставление.

³⁵ Слова Келья бобыля Ортюшки Патракиева, оценить из казны, дать денег вписаны между строк на сставе л. 2–3. Последнее слово написано неразборчиво.

³⁶ Далее текст написан другой рукой более светлыми коричневыми чернилами. Карандашом внесены исправления, сделанные в XIX в. при подготовке документа к изданию.

³⁷ Карандашом исправлено арабской цифрой из буквенной на: 8.

³⁸ Карандашом вписано над строкой: девятая.

³⁹ Карандашом исправлено арабской цифрой из буквенной цифры на: 9.

⁴⁰ Карандашом исправлено на: 24.

Пометы на л. 1 об. сделаны разными руками XIX в.: 1) «Напеч(атано). Спис. 1653. Перепись Никольскаго девичья м(онастыря), сколько в нем стариц и белиц, вкладчиц и некладчиц»; 2) Три раза повторена цифра «46» (вероятно, старый номер документа). На всех листах имеются также пометы карандашом, сделанные в XIX в. при подсчете имевшихся в монастыре келий и их насельниц.

Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260 (Коллекция столбцов XV–XVII вв.). Оп. 2. Д. 1150. Л. 1–3 (нерасклеенный свиток).

Изд. (с ошибками и пропусками): [Суворов, с. 58–60].

Литература

- Вахрина В. И. Иона (Сысоевич), митр. // ПЭ. М., 2010. Т. 25. С. 467–471.
- Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XVI–XVII вв. / Ред.-сост. И. А. Стерлигова; Отв. ред. Л. И. Лифшиц. М., 2008. 912 с.
- Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи (с библиографическим указателем). СПб., 1897. Кн. 3. I, [1], 259 с.
- Игошев В. В. Драгоценная церковная утварь XVI–XVII веков: Великий Новгород. Ярославль. Сольвычегодск. М., 2009. 728 с.
- История православных храмов и монастырей Вологды. Вологда, 2014. 208 с.
- Красавченко Т. Н. Путешествие Льюиса Кэрролла в Россию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 2019. № 1. С. 81–86.
- Макарий (Булгаков), митроп. Московский и Коломенский. История Русской церкви. М., 1995. Кн. 3. 702, [1] с., [16] л. ил.
- Матисон А. В. Писцовые книги как источник изучения состава вкладчиков городских храмов второй половины XVII в. (на примере города Твери) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 1. С. 117–135.
- Мельник А. Г. Ростовский митрополит Иона (1652–1690) как творец сакральных пространств // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 740–753.
- Муромцев И. Н. Церковь Николая Чудотворца на Валухе // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 2. С. 186–190.
- Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением А. А. Половцова. СПб., 1912. Т. 20. [2], 600 с.
- Савваитов П. И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. 4-е изд. Вологда, 1914. 76 с.
- Стецкевич М. С. Новейшие исследования по истории Оксфордского движения // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19 (2). С. 171–191.
- Стецкевич М. С., Поляков Н. С. Отечественная историография викторианской религиозности: долгий путь становления // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 96–104. DOI 10.30853/manuscript.2019.10.18
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. X с., 1064, 68 стб., 1 л. факс.
- Суворов Н. И. Новое церковно-историческое открытие: неизвестный составителям «Истории Российской Иерархии» Николаевский женский монастырь, бывший близ Спасо-Прилуцкого монастыря в XVII столетии // Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. 1865. № 2. С. 54–60.
- Федотов С. П. История взаимоотношений РПЦ и Оксфордского движения Англиканской церкви в первой половине XIX в. // Научное мнение. 2015. № 11/4. С. 73–76.
- Федотов С. П. Роль богословов Оксфордского университета в истории развития отношений Русской православной и Англиканской церквей в XVIII–XIX вв. // История: факты и символы. 2017. № 1 (10). С. 81–87.
- Черкасова М. С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. 575 с.
- Buser T. Religious Art in the Nineteenth Century in Europe and America. New York, 2002. 563 p.
- Clifford H. M. A Treasured Inheritance. 600 Years of Oxford College Silver. Oxford, 2004. 167 p.
- Coates G. Thomas and Martha Combe: A Case Study in Patronage. Thesis. Oxford, 2003. 182 p.
- Davies M. Lewis Carroll's Adventures in Russia // TLS Online [Электронный ресурс]. 04.07.2018. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/lewis-carrolls-adventures-russia/> (дата обращения: 14.10.2020).
- Evans J. Th. The Church Plate of Oxfordshire. Oxford, 1928. 223 p., 30 plates.

- Foster J. The Peerage, Baronetage and Knightage of the British Empire for 1882. Westminster, 1882. Vol. 1. 1678 p.
- Foster J. Alumni Oxonienses. The Members of the University of Oxford, 1715–1886: Their Parentage, Birthplace, and Year of Birth, with a Record of Their Degrees. Oxford, 1891. Vol. 3. 805–1244 p.
- Heathcote W. Jericho and the Pre-Raphaelites [Электронный ресурс]. URL: https://www.jerichowharf.com/images/documents/PRB_ESSAY_HEATHCOTE_WILLIAMS.pdf (дата обращения: 14.10.2020).
- Hughes C. Combe Thomas // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford, 2004. Vol. 12. P. 850–852.
- Parpulov G. Sacred Faces: Icons in Oxford. An Exhibition at Christ Church Picture Gallery, 25 August – 22 December 2010. Oxford, 2010. 8 p.
- Silver. The Victoria and Albert Museum / Ed. by Philippa Glanville. London, 1996. 143 p.
- Stapleton B. J. An Inventory of the Church Plate in the Deanery of Oxford with Descriptive Notes. Banbury, 1896. (Transactions and Papers of the Oxfordshire Archaeological Society. No. 34). 44 p., 4 plates.
- Whitlock R. St. Barnabas, Oxford. A Short History and Guide. Oxford, 2008. 16 p.

References

- Buser, T. Religious Art in the Nineteenth Century in Europe and America. New York, 2002. 563 p.
- Cherkasova, M. S. Arkhivy vologodskikh monastirei i tserkvei XV–XVII vv.: issledovanie i opyt rekonstruktsii [Archives of Vologda Monasteries and Churches of the 15th – 17th Centuries: Research and Attempt of Reconstruction]. Vologda, 2012. 575 p.
- Clifford, H. M. A Treasured Inheritance. 600 Years of Oxford College Silver. Oxford, 2004. 167 p.
- Coates, G. Thomas and Martha Combe: A Case Study in Patronage. Thesis. Oxford, 2003. 182 p.
- Davies, M. Lewis Carroll's Adventures in Russia. In *TLS Online* [Electronic resource]. 04.07.2018. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/lewis-carrolls-adventures-russia/> (accessed October 14, 2020).
- Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda. Khudozhestvennyi metall XVI–XVII vv. [Decorative and Applied Art of Veliky Novgorod. Artistic Metalwork of the 16th – 17th Centuries]. Eds. I. A. Sterligova, L. I. Lifshits. Moscow, 2008. 912 p.
- Evans, J. Th. The Church Plate of Oxfordshire. Oxford, 1928. 223 p., 30 plates.
- Fedotov, S. P. Istoriya vzaimootnoshenii RPTs i Oksfordskogo dvizheniya Anglikanskoi tserkvi v pervoi polovine XIX v. [The History of Relationships of the Russian Orthodox Church and the Oxford Movement of the Anglican Church in the First Half of the 19th Century]. In *Nauchnoe mnenie*. 2015. No. 11/4. Pp. 73–76.
- Fedotov, S. P. Rol' bogoslovov Oksfordskogo universiteta v istorii razvitiya otnoshenii Russkoi pravoslavnoi i Anglikanskoi tserkvei v XVIII–XIX vv. [The Role of Theologians from the Oxford University in the History of Evolution of Relations between the Russian Orthodox and the Anglican Churches in the 18th – 19th Centuries]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. 2017. No. 1 (10). Pp. 81–87.
- Foster, J. The Peerage, Baronetage and Knightage of the British Empire for 1882. Westminster, 1882. Vol. 1. 1678 p.
- Foster, J. Alumni Oxonienses. The Members of the University of Oxford, 1715–1886: Their Parentage, Birthplace, and Year of Birth, with a Record of Their Degrees. Oxford, 1891. Vol. 3. 805–1244 p.
- Heathcote, W. Jericho and the Pre-Raphaelites [Electronic resource]. URL: https://www.jerichowharf.com/images/documents/PRB_ESSAY_HEATHCOTE_WILLIAMS.pdf (accessed October 14, 2020).
- Hughes, C. Combe Thomas. In *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford, 2004. Vol. 12. Pp. 850–852.
- Igoshev, V. V. Dragotsennaya tserkovnaya utvar' XVI–XVII vekov: Velikii Novgorod. Yaroslavl'. Sol'vychevodsk [Church Utensils of Precious Metal of the 16th – 17th Centuries: Veliky Novgorod, Yaroslavl', Solvychevodsk]. Moscow, 2009. 728 p.
- Istoriya pravoslavnykh khramov i monastirei Vologdy [History of Orthodox Churches and Monasteries in Vologda]. Vologda, 2014. 208 p.
- Krasavchenko, T. N. Puteshestvie L'yuisa Kerrolla v Rossiyu [Lewis Carroll's Journey to Russia]. In *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7. Literaturovedenie*. 2019. No. 1. Pp. 81–86.
- Makarii (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna. Istoriya Russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. Moscow, 1995. Book 3. 702, [1] p., [16] l. of il.
- Matison, A. V. Pistsovye knigi kak istochnik izucheniya sostava vkladchikov gorodskikh khramov vtoroi poloviny XVII v. (na primere goroda Tveri) [Scribal Books as a Source for Research on the Group of Donators of the Urban Churches in the Second Half of the 17th Century]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2015. No. 1. Pp. 117–135.

- Mel'nik, A. G. Rostovskii mitropolit Iona (1652–1690) kak tvorets sakral'nykh prostranstv [Metropolitan Jonah of Rostov (1652–1690) as a Creator of Sacred Spaces]. In *Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi*. Moscow, 2006. Pp. 740–753.
- Muromtsev, I. N. Tserkov' Nikolaya Chudotvortsia na Valukhe [Church of Saint Nicolas the Wonderworker on Valukha]. In *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 1848. No. 2. Pp. 186–190.
- Parpulov, G. Sacred Faces: Icons in Oxford. An Exhibition at Christ Church Picture Gallery, 25 August – 22 December 2010. Oxford, 2010. 8 p.
- Russkii biograficheskii slovar' [Russian Biographical Dictionary]. Published under supervision A. A. Polovtsov. Saint Petersburg, 1912. Vol. 20. [2], 600 p.
- Savvaitov, P. I. Opisanie Vologodskogo Spaso-Prilutskogo monastyrya [Description of Spaso-Prilutsky Monastery in Vologda]. 4th ed. Vologda, 1914. 76 p.
- Silver. The Victoria and Albert Museum. Ed. by Philippa Glanville. London, 1996. 143 p.
- Stapleton, B. J. An Inventory of the Church Plate in the Deanery of Oxford with Descriptive Notes. Banbury, 1896. (Transactions and Papers of the Oxfordshire Archaeological Society. No. 34). 44 p., 4 plates.
- Stetskevich, M. S. Noveishie issledovaniya po istorii Oksfordskogo dvizheniya [The Recent Studies on the History of the Oxford Movement]. In *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni*. 2019. No. 19 (2). Pp. 171–191.
- Stetskevich, M. S., Polyakov, N. S. Otechestvennaya istoriografiya viktorianskoi religioznosti: dolgii put' stanovleniya [Domestic Historiography of Victorian Religiosity: A Long Path of Development]. In *Manuskript*. 2019. Vol. 12. Issue 10. Pp. 96–104. DOI 10.30853/manuskript.2019.10.18
- Stroev, P. M. Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei Rossiiskoi Tserkvi [Lists of Church Hierarchs and Abbots of the Monasteries of the Russian Church]. Saint Petersburg, 1877. X p., 1064, 68 col., 1 facs. plate.
- Suvorov, N. I. Novoe tserkovno-istoricheskoe otkrytie: neizvestnyi sostavitelyam "Istorii Rossiiskoi Ierarkhii" Nikolaevskii zhenskii monastyr', byvshii bliz Spaso-Prilutskogo monastyrya v XVII stoletii [A New Discovery in Church History: Saint Nicolas Nunnery near Spaso-Prilutsky Monastery, Unknown to the Compilers of the "History of Russian Church Hierarchy", in the 17th Century]. In *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya*. 1865. No. 2. Pp. 54–57.
- Vakhrina, V. I. Iona (Sysoevich), mitr. [Iona (Sysoevich), Metropolitan]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2010. Vol. 25. Pp. 467–471.
- Whitlock, R. St. Barnabas, Oxford. A Short History and Guide. Oxford, 2008. 16 p.
- Zverinskii, V. V. Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryakh Rossiiskoi imperii (s bibliograficheskim ukazatelem) [Material for Historical and Topographic Research of Orthodox Monasteries in the Russian Empire (with a Bibliographic Index)]. Saint Petersburg, 1897. Book 3. I, [1], 259 p.

Valeriy V. Igoshev

State Research Institute for Restoration, Moscow, Russia

Vera G. Tchentsova

UMR 8167 Orient et Méditerranée / Monde byzantin, Paris, France

ROSTOV SILVERSMITHS AND LITURGICAL UTENSILS FROM VOLOGDA IN ONE OF THE OXFORD CHURCHES

The article proposes the first all-comprehensive study of a set of silver Eucharistic vessels, bequeathed in 1658 to St. Nicholas Monastery on Valukh in Vologda Region, later transferred to St. Barnabas Church in Oxford. These liturgical utensils were compared to remarkably similar artefacts, identified in various museum collections of Russia, and provided with an extensive analysis of their typological characteristics, style, iconography, inscriptions, technical and technological particularities. This study permitted to conclude that they were made by masters of chasing and engraving working in Rostov and thus augment our knowledge about one of the previously unknown Russian silver workshops.

Keywords: *liturgical utensils, Eucharistic vessels, chalice, Rostov silversmiths, Vologda St. Nicholas Monastery on Valukh, Spaso-Prilutsky Monastery*